

Н. Бржескій.

ОБЩИННЫЙ БЫТЪ

И

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ НЕОБЕЗПЕЧЕННОСТЬ

КРЕСТЬЯНЪ.

..

По поводу предстоящаго пересмотра крестьянскихъ положеній.

— — —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.

1899.

ОБЩИННЫЙ БЫТЪ

И

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ НЕОБЕЗПЕЧЕННОСТЬ

КРЕСТЬЯНЪ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Государственные долги Россіи. Историко-статистическое изслѣдованіе, удостоенное Императорскимъ С.-Петербургскимъ университетомъ преміи Топчибашева. С.-Петербургъ, 1884.

Податная реформа. Французскія теоріи XVIII стол. С.-Петербургъ, 1888.

Круговая порука сельскихъ обществъ. Соображенія редакціонныхъ комиссій по составленію положеній 19 февраля 1861 г. и правительственные взгляды за время съ 1861 по 1895 годъ. С.-Петербургъ, 1896.

Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ. Историко-критическій обзоръ дѣйствующаго законодательства, въ связи съ практикою крестьянскаго податнаго дѣла. С.-Петербургъ, 1897.

ОБЩИННЫЙ БЫТЪ
II
ХОЗЯЙСТВЕННАЯ НЕОБЕЗПЕЧЕННОСТЬ
КРЕСТЬЯНЪ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ
Николая Бржескаго,
доктора финансоваго права.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворц. площ., д. М-ва Финансовъ.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Ноября 1898 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ литературѣ, посвященной обследованію разныхъ сторонъ общиннаго быта, приходится встрѣчаться съ мнѣніемъ, будто крестьянская земельная община въ томъ видѣ, какою мы ее теперь знаемъ, представляется явленіемъ изстариннымъ, имѣющимъ глубокіе корни въ далекомъ историческомъ прошломъ русскаго народа. Мнѣніе такое, хотя и общепринятое, врядъ-ли имѣетъ твердую почву подъ собою. Проявляющіяся въ общинной жизни бытовыя привычки народа, конечно, весьма устойчивы, но эта устойчивость не есть еще неподвижность, ибо жизнь есть вѣчное, безостановочное движеніе впередъ. Подъ старыми формами народной жизни нерѣдко кроется совершенно новое содержаніе. Община, въ ея настоящемъ видѣ, есть, несомнѣнно, результатъ новыхъ пореформенныхъ условій жизни русскаго народа: между этою общиною, выросшею и сложившеюся на почвѣ узаконеній 19 февраля 1861 года, и общиною крѣпостнаго времени нѣтъ ничего общаго. Остались только внѣшнія проявленія общиннаго землевладѣнія, которыми отнюдь не исчерпывается содержаніе общиннаго быта; государственное же и хозяйственное значеніе новой земельной общины стало совершенно инымъ.

При господствѣ крѣпостнаго права, государственное значеніе общины было ничтожно; кругъ дѣлъ, порученныхъ ея вѣдѣнію, не выходилъ за предѣлы сословно крестьянскихъ интересовъ: земельно-податная дѣятельность общинъ находилась подъ ближайшимъ надзоромъ помѣщика или окружнаго начальника, власть которыхъ ограждала cadaго отдѣльнаго домохозяина отъ злоупотребленія сельскихъ властей и отъ насилія сходовъ. Условія сельскохозяйственнаго труда складывались благопріятно, такъ какъ дореформенная община не могла производить общіе передѣлы

во всякое время по своему усмотрѣнію и лишена была права отбирать надѣлы за недоимку; отвѣчая по круговой порука (которая, однако, не примѣнялась въ помѣщичьихъ имѣніяхъ), она не обязана была заводить у себя сложные по самому своему существу податные порядки, предполагающіе наличность въ народной массѣ не только элементарной грамотности, но и нѣкоторыхъ болѣе специальныхъ знаній. Наконецъ—что въ особенности важно—надѣленіе землею подрастающихъ поколѣній не лежало на обязанности общины, такъ какъ отводъ надѣльныхъ участковъ новымъ тягламъ или прибылымъ ревизскимъ душамъ совершался изъ состава свободныхъ помѣщичьихъ или казенныхъ земель.

Не такова была община, призванная къ жизни положеніями 19 февраля 1861 года.

Съ отмѣною крѣпостнаго права, измѣнилось, прежде всего, государственное значеніе общины: она стала низшею административною единицею; по мѣрѣ расширенія и усложненія мѣстныхъ задачъ государственнаго управленія, расширялся и усложнялся кругъ дѣлъ, хотя порученныхъ вѣдѣнію сельскихъ обществъ, но имѣвшихъ общегосударственное значеніе. Должностныя лица крестьянскаго управленія едѣлались, такимъ образомъ, органами правительственной власти, а не блюстителями исключительно сословно крестьянскихъ интересовъ, какими они были въ дореформенное время.

Еще существенно измѣнилось хозяйственное значеніе земельной общины. Предоставленное ей право распоряжаться по своему усмотрѣнію надѣльною землею въ видѣ общихъ и частныхъ передѣловъ явилось непреодолимымъ препятствіемъ къ достиженію крестьянами сельскохозяйственныхъ успѣховъ, такъ какъ всякаго рода затраты на улучшеніе земельной обработки сопряжены были съ извѣстнымъ рискомъ. Съ другой стороны, отнесеніе податнаго дѣла, въ полномъ его объемѣ, къ вѣдѣнію общины, съ предоставленіемъ послѣдней права безконтрольно обезземеливать недоимщиковъ, усилило непосредственное воздѣйствіе міра на распредѣленіе имущественнаго достатка и земли среди однообщественниковъ. Надлежащее устройство земельно-податнаго дѣла есть необходимое предположеніе хозяйственнаго преуспѣянія народной массы: этимъ, именно, объясняется высокій уровень зажиточности, достигнутый государственными крестьянами въ эпоху, непосредственно предшествовавшую освобожденію

крѣпостныхъ крестьянъ. Между тѣмъ, въ новой земельной общинѣ устройство земельно-податнаго дѣла покоилось не на твердыхъ указаніяхъ писаннаго закона, а поставлено въ зависимость отъ благоусмотрѣнія, отъ самодѣятельности и административнаго творчества сельскихъ сходовъ, по своему составу и по развитію большинства своихъ членовъ не способныхъ, однако, справиться съ этою сложною задачею. При такихъ условіяхъ силою вещей должно было выдвинуться вліяніе должностныхъ лицъ сельскаго управленія, которыя, направляя разрѣшеніе земельно-податныхъ вопросовъ сообразно своимъ видамъ и цѣлямъ, могли, однако, прикрываться безотвѣтственностью сельскихъ сходовъ. Предоставленное общинѣ право отбирать надѣлы за недоимку, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ въ положеніяхъ 19 февраля 1861 г. правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія по землевладѣнію цѣлыхъ обществъ и отдѣльныхъ его членовъ при общинномъ землевладѣніи, открывало широкій просторъ дѣйствіямъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія и сельскихъ сходовъ, направленныхъ въ подрывъ интересамъ отдѣльныхъ членовъ общества. Въ пореформенное время обязанность обезпеченія землею подрастающихъ поколѣній легла уже всецѣло на общину, располагавшую для этой цѣли надѣломъ, замкнутымъ въ разъ на всегда установленные предѣлы. При совершающемся непрерывно приростѣ населенія и при соотвѣтственномъ увеличеніи спроса на землю, борьба изъ за послѣдней въ общинѣ должна была возгорѣться неизбежно. Въ этомъ отношеніи новая община существенно отличается отъ крѣпостной.

Земля и подать—эти два могущественные факторы хозяйственнаго преуспѣянія сельскаго населенія Россіи съ изданіемъ положеній 19 февраля 1861 года переданы были въ полное распоряженіе сельскихъ обществъ. Устроителемъ хозяйственнаго быта своихъ сочленовъ явилась община; разверстывая по своему усмотрѣнію и землю, и подать, община получила ту силу воздѣйствія на хозяйственный достатокъ каждаго изъ домохозяевъ, какой она никогда не имѣла и не могла имѣть при дореформенныхъ порядкахъ.

Каковы были послѣдствія примѣненія на практикѣ этой силы? На поставленный, такимъ образомъ, вопросъ нѣтъ двухъ отвѣтовъ. Всѣ, безъ исключенія, и правительственные, и земскіе матеріалы сходятся на томъ, что хозяйственная, въ широкомъ смыслѣ

этого слова, дѣятельность пореформенной общины дала отрицательные результаты. Это удостоверяно комиссіями статсъ-секретаря Валуева и податной, сенаторскими ревизіями, земскими подворными переписями, данными министерства внутреннихъ дѣлъ, собранными при составленіи правилъ о земельныхъ передѣлахъ и закона о неотчуждаемости крестьянскихъ земель; это подтверждено въ самое послѣднее время и губернскими совѣщаніями по пересмотру законодательства о крестьянахъ. Что въ особенности характерно въ жизни нашей пореформенной общины — это внутреннее ея разслоеніе, все быстрѣе и все замѣтнѣе растущая неравномѣрность распредѣленія имущественнаго достатка между крестьянами-однообщественниками: богатѣютъ одни по мѣрѣ того, какъ бѣднѣютъ другіе. Иначе и быть не могло: крестьянская земельная община, созданная положеніями 19 февраля 1861 года, въ самой себѣ, во всемъ хозяйственномъ и административномъ складѣ, носила задатки будущаго разложенія. Съ одной стороны, при полной необезпеченности правъ каждаго отдѣльнаго домохозяина на надѣльную землю, открытъ былъ широкій просторъ въ общинѣ борьбѣ противоположныхъ интересовъ изъ-за обладанія землею, въ особенности въ мѣстностяхъ, гдѣ цѣнность земли высока; исходъ этой борьбы, какъ и всякой другой, былъ, конечно, къ выгодѣ сильнѣйшихъ. Съ другой стороны, возложеніе на общину, въ лицѣ сельскаго схода, несвойственныхъ ей обязанностей по наблюденію за исправнымъ поступленіемъ податей, по взысканію недоимокъ и по устройству податнаго счетоводства и отчетности имѣло послѣдствіемъ повсемѣстное развитіе недоимочности; но мѣры, принимаемыя общиною, обрушивались всею своею тяжестью опять таки на слабосильныхъ домохозяевъ, которые могли быть даже обезземеливаемы. Слабая сторона пореформеннаго общиннаго быта заключалась не столько въ самыхъ условіяхъ общиннаго пользованія землею, сколько въ полной необезпеченности земельныхъ и податныхъ правъ каждаго отдѣльнаго члена общины передъ произволомъ сельскаго схода. Личность крестьянина, во всей совокупности ея хозяйственныхъ интересовъ и даже гражданскихъ правъ, принесена была въ жертву общинному началу, а сама община, интересовавшая правительство главнымъ образомъ въ качествѣ сборщика податей, неспособна была къ проявленію должной заботливости объ общемъ благѣ, о хозяйственномъ преуспѣяніи каждаго изъ своихъ сочленовъ.

Сельскохозяйственный промыселъ есть, безспорно, главнѣйшая у насъ основа народнаго богатства, а между тѣмъ трудное положеніе крестьянскаго общиннаго сельскаго хозяйства представляется фактомъ, не нуждающимся въ доказательствахъ. На огромномъ пространствѣ общиннаго землевладѣнія въ прежнее время, какъ и теперь, встрѣчаются, конечно, мѣстности, гдѣ прогрессивныя теченія, проложивъ себѣ дорогу въ крестьянскомъ хозяйствѣ, сдѣлались достояніемъ всѣхъ однообщественниковъ. Но такого рода мѣстности, составляя рѣдчайшее исключеніе, лишь подтверждаютъ силу общаго правила, что общинное владѣніе землею, какъ вообще, такъ въ особенности при слабомъ распространѣніи грамотности въ народѣ и полномъ отсутствіи сельскохозяйственныхъ знаній, обрекаетъ крестьянское хозяйство на косность и неподвижность. Всюду и всегда отдѣльныя, болѣе даровитыя личности, своимъ починомъ и энергіею, прокладываютъ массѣ новые пути и увлекаютъ ее своимъ примѣромъ, а въ нашей крестьянской земельной общинѣ наоборотъ, именно масса, въ лицѣ сельскаго схода, должна была явиться двигателемъ сельскохозяйственнаго прогресса.

Развитіе и совершенствованіе земледѣльческаго труда встрѣчаетъ препятствіе и въ виду основной задачи, которая возложена законодателемъ на сельскую общину,—задачи, врядъ-ли осуществимой при современныхъ условіяхъ: надѣлять землею всѣхъ членовъ общины, когда количество надѣльной земли остается неизмѣннымъ, а приростъ населенія совершается непрерывно. Въ общинѣ всѣ домохозяева являются лишь временными владѣльцами своихъ надѣловъ и всякія затраты на улучшеніе культуры участка, въ виду возможности передѣла, сопряжены съ извѣстнымъ рискомъ; земля, поэтому, все болѣе истощается, а трудъ земледѣльца становится все менѣе производительнымъ. Вредное вліяніе передѣловъ въ этомъ отношеніи ни въ комъ не возбуждаетъ сомнѣній, но предѣлы тѣмъ не менѣе допускаются законодателемъ въ качествѣ средства, которымъ община достигаетъ уравнительнаго землепользованія и надѣляетъ землею прибылыя души. Въ общинѣ не можетъ быть сохранено требуемое условіями сельскаго хозяйства соотношеніе между разными видами угодій, такъ какъ, подъ вліяніемъ усиливающагося спроса на пахотную землю, сокращается постепенно площадь надѣла, на которой происходитъ общій выгонъ и пастьба скота; сокращаются,

слѣдовательно, и размѣры крестьянскаго скотоводства, и производительность крестьянскихъ полей, остающихся безъ удобренія. Веденіе сколько нибудь правильнаго хозяйства предполагаетъ наличность земельного участка не менѣе извѣстнаго размѣра,—смотря по мѣстнымъ условіямъ и по характеру полеводства; но въ общинѣ земля дробится до безконечности, такъ какъ всѣ ея члены имѣютъ одинаковое право на надѣлъ, хотя бы послѣдній не обезпечивалъ никого изъ нихъ. Наконецъ, установленная дѣйствующимъ закономъ неотчуждаемость крестьянскихъ надѣльных земель оберегаетъ сословные, а не хозяйственные интересы крестьянъ; отнюдь не устраняя возможности скопленія надѣловъ въ однихъ рукахъ, она наноситъ ущербъ интересамъ радивыхъ домохозяевъ, ищущихъ выхода изъ круговой поруки, и обезцѣниваетъ надѣльную землю.

Изложенное приводитъ къ заключенію, что узаконенія, на почвѣ которыхъ выросли и сложились современные общинные порядки, не соотвѣтствуя потребностямъ новаго времени, препятствуютъ поступательному движенію народной массы въ области хозяйственной и правовой и, слѣдовательно, понижаютъ уровень народнаго достатка. Узаконенія эти отжили свое время и нуждаются въ пересмотрѣ по существу.

Таковы положенія, ближайшему обоснованію которыхъ посвящена настоящая работа.

Н. В.

Общинный бытъ и хозяйственная необеспеченность крестьянъ.

(По поводу предстоящаго пересмотра крестьянскихъ законоположеній).

Земельная община, рассматриваемая отвлеченно, внѣ условій времени и мѣста, представляется лучшимъ разрѣшеніемъ аграрнаго вопроса. Трудъ и капиталъ—эти силы, всюду борющіяся между собою. здѣсь, въ общинѣ, живутъ въ полномъ мирѣ и согласіи, взаимно другъ друга поддерживая и дополняя. Принадлежность къ общинѣ даетъ право на полученіе земельного надѣла; каждый членъ общины, способный къ труду, имѣетъ полную возможность приложить свои силы къ землѣ: вновь нарождающіяся и подрастающія поколѣнія вступаютъ на жизненный путь подъ охраною общины; располагая крупнымъ капиталомъ — общественною землею, община дѣлитъ этотъ капиталъ между всѣми своими сочленами, обеспечивая каждому изъ нихъ спокойный бытъ и безбѣдное существованіе. Въ общинѣ нѣтъ частной собственности на землю; вся мірская земля, кромѣ усадебной, находится въ распоряженіи общины, которая и отвѣчаетъ передъ государствомъ за лежащія на землѣ повинности. „При общинномъ пользованіи, говорится въ одномъ сенатскомъ рѣшеніи, физическое лицо не можетъ указать ни на одну количественную часть имущества, которую имѣло бы въ исключительной своей власти; самое число членовъ, участвующихъ во владѣніи, не есть нѣчто постоянное, неизмѣнное, но измѣняется непрерывно изнутри и извнѣ, нарастаетъ и уменьшается, и каждому члену общины принадлежитъ только право владѣнія, но и послѣднее принадлежитъ ему въ тѣхъ предѣлахъ, которые установлены общиною, міромъ“...

Такимъ образомъ, въ отвлеченномъ представленіи, земельная община является своеобразнымъ хозяйственнымъ организмомъ, гдѣ весь земельный распорядокъ и все податное дѣло предоставлены благоусмотрѣнію міра, призваннаго опекать малолѣтнихъ, призрѣвать сирыхъ, слабыхъ и престарѣлыхъ, поддерживать маломочныхъ; гдѣ нѣтъ

и не должно быть сколько-нибудь значительнаго имущественнаго неравенства, такъ какъ главная основа имущественнаго достатка—земля распредѣляется по однимъ общимъ для всѣхъ членовъ общины основаніямъ и, благодаря круговой поруки, достигается полное соотвѣтствіе между платежною способностью двора и его земельнымъ владѣніемъ; гдѣ забота объ обезпеченіи землею подрастающихъ поколѣній лежитъ не на семьѣ, а на самой общинѣ, представляющей собою какъ бы одну большую семью.

Чѣмъ меньше изслѣдованы были и изучены разностороннія проявленія общинной жизни на почвѣ дѣйствительныхъ фактовъ и статистическихъ данныхъ, тѣмъ явственнѣе выступала на первый планъ, указанная выше, показная сторона общиннаго строя, тѣмъ большими симпатіями должна была пользоваться община со стороны всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы низшихъ трудовыхъ слоевъ народа. Вотъ почему въ русской литературѣ, посвященной разработкѣ вопросовъ народнаго быта, съ давнихъ поръ сильно теченіе, идеализировавшее нашу сельскую земельную общину, хотя фактическихъ свѣдѣній о дѣйствительномъ ходѣ общинной жизни до самаго послѣдняго времени было очень мало. Безпочвенное увлеченіе общиною шло такъ далеко, что многіе усматривали въ ней высшее, наиболѣе отрадное созданіе русскаго народнаго генія. Характерно, что родоначальникомъ идеалистическаго направленія въ нашей литературѣ объ общинѣ является иностранецъ—баронъ Гакстгаузенъ, наблюдавшій Россію въ первой половинѣ текущаго столѣтія, въ эпоху полнаго господства крѣпостнаго права. Все, что было сказано этимъ талантливымъ писателемъ о высокомъ значеніи русской земельной общины, которую онъ только наблюдалъ, а не изслѣдовалъ и не изучалъ, все это и теперь еще повторяется у насъ сторонниками общины; мѣняется изложеніе формулы, предложенной Гакстгаузенемъ; остается въ полной силѣ внутреннее ея содержаніе.

„Русское общинное устройство, говоритъ Гакстгаузенъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ и интереснѣйшихъ государственныхъ учрежденій, существующихъ въ мірѣ. Оно представляетъ несомнѣнныя выгоды для внутренняго общественнаго состоянія. Въ русской сельской общинѣ есть органическая связь, въ ней лежитъ столь крѣпкая общественная сила и порядокъ, какъ нигдѣ въ другихъ странахъ; община доставляетъ Россіи ту неизмѣримую выгоду, что въ этой странѣ до сихъ поръ нѣтъ пролетаріата и онъ не можетъ образоваться, пока существуетъ такое общественное учрежденіе. Человѣкъ можетъ обѣднѣть, промотать свое имущество, но это не повредитъ его дѣтямъ: они все-таки удерживаютъ или вновь получаютъ свой участокъ по общинному праву: дѣти не наследуютъ въ русской общинѣ нищеты отца“...

Для надлежащей оцѣнки этихъ сужденій Гакстгаузена необходимо имѣть въ виду особыя условія внутренняго быта крестьянской земельной общины не только въ эпоху, къ которой непосредственно относятся наблюденія Гакстгаузена, но и значительно позднѣе. — въ моментъ, когда редакціонныя коммисіи уже трудились надъ составленіемъ крестьянскихъ положеній 19 февраля 1861 г.

Община дореформенная во всѣхъ своихъ хозяйственныхъ отправленияхъ была подчинена надзору—въ лицѣ окружныхъ начальниковъ (государственные крестьяне) или помѣщика (помѣщичьи крестьяне). У государственныхъ крестьянъ земля отводилась общинамъ по числу ревизскихъ душъ; надѣлъ этотъ оставался неизмѣннымъ отъ ревизіи до ревизіи; увеличеніе надѣла происходило въ томъ лишь случаѣ, если новая ревизія обнаруживала приростъ населенія. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ былъ принятъ тягольный порядокъ надѣла. Барщина отбывалась тяглами—единицами рабочей силы; даже въ оброчныхъ имѣніяхъ слѣдовавшіе помѣщикамъ оброки разверстывались и взимались преимущественно по тягламъ. Такъ какъ надѣлы государственныхъ крестьянъ были столь значительны, что обыкновенно превосходили дѣйствительную ихъ потребность въ землѣ, то общины нерѣдко пользовались этимъ для удержанія своего тягловаго порядка надѣленія землею.

Къ производству общихъ передѣловъ въ государственныхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ повода не было. Если число тяголъ, т. е. брачныхъ паръ, постепенно увеличивалось, соотвѣтственно приросту населенія, то эти новыя пары безпрепятственно получали новыя тягловые участки изъ общаго, обильнаго въ то время запаса пустопорожнихъ, казенныхъ и удѣльныхъ земель. Въ крайне рѣдкихъ случаяхъ мало-земелья казенныхъ имѣній, часть крестьянъ этихъ имѣній была выселяема правительствомъ на свободныя казенныя земли другихъ мѣстностей и губерній.

Тягловой порядокъ крестьянскаго землевладѣнія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по самому существу своему исключать возможность общихъ передѣловъ, въ смыслѣ измѣненія величины и состава хозяйственныхъ земельныхъ участковъ. Здѣсь, какъ и у государственныхъ крестьянъ, была въ ходу скидка и накидка тяголъ (частный передѣлъ), т. е. надѣленіе возникающихъ тяголъ упраздненными или вновь образуемыми тягловыми участками.

Скидка тягла производилась не только въ томъ случаѣ, когда брачная пара, составлявшая тягло, уничтожалась смертью одного изъ супруговъ, но и тогда, когда тягловый работникъ отъ дряхлости, немощи или хронической болѣзни утрачивалъ способность къ работѣ. Накидка тягла происходила всякій разъ, когда во дворѣ появлялась новая брачная пара. Такимъ образомъ, одנותягольные дворы превра-

щались въ двухъ или болѣе тягольные, а въ многотягольныхъ дворахъ происходила отъ времени до времени то скидка, то накидка тяголь, причемъ тяговые участки, въ полномъ и неизмѣнномъ ихъ составѣ, оставались во владѣніи тяголь или брачныхъ паръ во все продолженіе ихъ рабочей жизни и только по упраздненіи тяголь, владѣвшихъ этими участками, послѣдніе въ томъ же составѣ передавались вновь возникавшимъ тягламъ того же двора или другихъ дворовъ ¹⁾.

За повинности помѣщичьихъ крестьянъ отвѣчалъ предъ казною самъ помѣщикъ и круговая порука въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по общему правилу не примѣнялась. Всякій помѣщикъ, отвѣчая лично за исправный взносъ податей, могъ, конечно, принимать всѣ нужныя мѣры къ своевременному сбору платежей съ крестьянъ; равнымъ образомъ ему предоставлялось право устанавливать въ своемъ имѣніи такой размѣръ господскихъ работъ или оброка, который соответствовалъ бы силамъ и средствамъ крестьянъ; но при этомъ какъ въ издѣльныхъ, такъ и въ оброчныхъ имѣніяхъ помѣщикъ обыкновенно имѣлъ дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ, отвѣтствовавшимъ предъ нимъ за исправное отбываніе повинностей каждымъ изъ тяговыхъ членовъ своего семейства.

Въ общинахъ государственныхъ крестьянъ исправное поступленіе податей и повинностей обезпечивалось круговою порукою общины, но круговая порука разсматривалась фискальнымъ правомъ правительства, которое приняло, съ своей стороны, всѣ мѣры къ тому, чтобы облегчить общинѣ тягость примѣненія круговой отвѣтственности и даже устранить самую возможность такого примѣненія посредствомъ правильной постановки всѣхъ сторонъ крестьянскаго податнаго дѣла на почвѣ законодательной регламентаціи, обезпечивавшей интересы какъ самой общины, такъ и отдѣльныхъ плательщиковъ.

Почва для круговой отвѣтственности имѣлась въ имущественномъ складѣ дореформенной общины. Въ эпоху крѣпостнаго права надъ хозяйственнымъ бытомъ всѣхъ крестьянъ тяготѣла опека власти въ лицѣ окружнаго начальства или помѣщиковъ; такая опека, лишая крестьянъ права свободно распоряжаться своею личностью и трудомъ, имѣла ближайшею своею цѣлью обезпечить имъ извѣстное довольство, какъ необходимое предположеніе рабочей и платежной способности, въ сохраненіи которой было заинтересовано и государство, и помѣстное сословіе. Въ этихъ видахъ крестьянамъ предоставлялось почти неограниченное пользованіе лѣсомъ и пастбищами; въ случаѣ надобности они снабжались сѣменами для посѣва, кормомъ, соломой, даже скотомъ и лошадьми. Движеніе крестьянъ изъ селеній въ отхо-

¹⁾ Семеновъ, Н. П. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Выводы и заключеніе. СПб. 1894; стр. 16—19.